

ДЕНЬ, КОГДА ИСЧЕЗ ИНТЕРНЕТ

И Л Ъ Я И Г Н А Т О В

Илья Игнатов

День, когда исчез интернет

<https://litres.ru/74241024>

SelfPub; 2026

Аннотация

В один обычный день интернет исчезает. Не замедляется и не отключается на несколько часов — пропадает повсюду и, похоже, навсегда.

Сначала Леон винит роутер. Но вскоре перестают работать банковские карты и навигаторы, закрываются магазины, обрываются поставки, а из кранов исчезает вода. Город, привыкший жить через экран, остаётся без связи, денег, новостей и инструкций.

Пока соседи учатся делить воду, искать лекарства и доверять друг другу, родители Леона остаются в другом городе. Он не знает, живы ли они. В баке четверть, дороги перекрыты, бумажная карта устарела, а позвонить и предупредить невозможно. Но ждать больше нельзя.

Что останется от привычного мира — и от самого человека, — когда исчезнет сеть, державшая всё вместе?

Напряжённый социальный триллер о хрупкости современной цивилизации, цифровой зависимости и людях, которым приходится заново учиться быть рядом.

Илья Игнатов

День, когда исчез интернет

ДЕНЬ, КОГДА
ИСЧЕЗ ИНТЕРНЕТ
повесть

Илья Игнатов

Глава первая. Экран

Леон просыпается раньше будильника. Не потому, что выспался. Телефон вибрирует под подушкой, и вибрация проходит через щёку в зубы.

Он лежит неподвижно, пока экран не загорается второй раз.

Пять сорок семь.

В рабочем чате уже девятнадцать сообщений. В банковском приложении висит напоминание о платеже. В новостной ленте кто-то спорит про цены на топливо, кто-то выкладывает короткое видео с собакой в очках, кто-то обещает, что всё вокруг вот-вот рухнет.

Леон успевает прочитать первые строки во всех трёх местах, прежде чем замечает, что рядом давно не спят.

— Ты опять в телефоне? — спрашивает Мара.

Он не смотрит на неё.

— Я проснулся от работы.

— Конечно.

Она встаёт. Кровать лёгкая, пружины коротко стонут. Дверь ванной закрывается без хлопка. Мара давно не хлопает дверями по утрам. Раньше хлопала. Теперь просто закрывает.

Леон дочитывает сообщение от Роана. Тот пишет, что первая машина с плитой задерживается на выезде из города и просит перенести разгрузку. Леон отвечает одной рукой: «Разберусь». Потом открывает банковское приложение.

До платежа два дня.

Он знает это и без приложения. Платёж висит в голове уже неделю, как заноза под ногтем. Он не говорит Маре, что на карте осталось мало. Она и так знает, что мало. Они живут вместе двенадцать лет. За это время невозможно не научиться понимать, когда человек слишком долго смотрит в экран.

Из кухни доносится стук ложки о чашку.

— Пап, — говорит Ниа из коридора. — Ты будешь завтракать?

— Буду. Сейчас.

Она стоит в дверях в школьной толстовке, с растрёпанными волосами и одним носком. В руках у неё картонная коробка из-под хлопьев.

— Мне надо сегодня доделать город.

— Какой город?

— Ну, который мы вчера начали. Для класса. Ты обещал мост.

Леон приподнимается на локте.

На полу у шкафа лежат коробки, крышки, рулон серой бумаги и пластиковые стаканчики. Вчера Ниа выстроила из них улицу. Он действительно сказал, что вечером сделает мост. Сказал, не отрываясь от ролика, где какой-то мужчина восстанавливал старый грузовик за пятнадцать минут.

— После работы.

— Ты вчера тоже так сказал.

— Сегодня точно.

Ниа кивает, как взрослый, который услышал не ответ, а привычный звук. Потом уходит.

Леон ещё минуту лежит с телефоном над лицом. Потом всё-таки встаёт.

На кухне пахнет кофе и поджаренным хлебом. Окно запотело снизу. За стеклом серый двор: мусорные баки, припаркованные машины, человек в светлой куртке, который ведёт большую собаку на коротком поводке.

Мара ставит перед Нией тарелку. Перед Леоном — другую. Она не смотрит на него, пока режет яблоко.

— У тебя сегодня поздно? — спрашивает она.

— Не знаю. Роан опять завис с машиной.

— А вечером мы идём к моей матери или нет?

Леон поднимает глаза.

Он помнит. Кажется. Мара говорила об этом позавчера.

Или вчера. Она хотела заехать к матери и отвезти ей новый чайник, потому что старый течёт. Он сказал: «Посмотрим».

— Посмотрим по работе.

Мара кладёт нож на доску.

— Леон, это не встреча с министром. Это чайник.

— Я понял.

— Нет. Ты каждый раз говоришь, что понял. А потом смотришь в телефон, пока я сама всё решаю.

Ниа медленно жуёт и не поднимает головы. Леон ненавидит этот момент. Не саму ссору — она ещё даже не началась. Он ненавидит секунду до неё, когда можно было сказать нормальное слово, но уже хочется обороняться.

— Утром можно без этого?

Мара усмехается. Не зло. Хуже.

— Можно. Я уже давно без этого.

Она берёт чашку и уходит в спальню переодеваться.

Леон доедает тост, не чувствуя вкуса. Ниа собирает крошки пальцем и смотрит в окно.

На парковке его старая машина заводится со второго раза. Леон слушает, как мотор пару секунд работает неровно, потом выравнивается. Он думает, что надо бы посмотреть свечи. Он думает это каждое утро уже третий месяц.

Телефон крепится к панели. На нём маршрут до склада, хотя он знает дорогу наизусть. Просто без карты экран кажется пустым. Как будто машина едет не туда.

На светофоре он открывает ленту. Перед ним загорает-

ся зелёный. Сзади коротко сигналият. Леон резко трогается и успевает заметить, как у перехода женщина отдёргивает мальчика за рукав.

Он матерится себе под нос и прибавляет звук в наушнике.

Фирма, где он работает, занимает два тесных кабинета над складом отделочных материалов. Внизу пахнет пылью, деревом, мокрым картоном и чем-то химическим из секции с краской. Наверху пахнет дешёвым кофе, пластиком принтера и чужими куртками.

Леон сидит у окна, из которого видна только крыша соседнего ангара. На столе два монитора, телефон, блокнот с тремя страницами старых записей и кружка с потёртой надписью «Не трогать».

Его работа — говорить людям, куда ехать, когда ждать, что разгружать и почему снова ничего не приехало вовремя. Раньше он называл это логистикой. Теперь чаще говорит: «Сижу на телефоне».

До десяти утра он переносит четыре доставки, ругается с владельцем маленького магазина, который ждёт утеплитель, и объясняет начальнику, что у водителя Роана не сломалась машина, а просто перекрыли часть дороги из-за аварии.

— Ты мог бы узнать заранее, — говорит начальник.

— Я не дорожная служба.

— Но ты диспетчер.

— Я знаю.

Начальник уходит, не договорив. Он тоже устал. В послед-

нее время все устали так, будто кто-то каждый день открывает от них по одному винту.

Рабочая таблица висит открытой рядом с банковским приложением. Банк предлагает увеличить лимит. Леон читает условия, закрывает окно, возвращается к нему через минуту.

В семейном чате есть новое сообщение от Селлы, его матери. Фотография: отец Эрен стоит возле старого сарая в рабочей куртке и держит в руках какую-то железную деталь.

«Смотри, что он опять тащит домой», — подписано под снимком.

Леон ставит смеющийся смайл. Пишет: «Передай, что это хлам». Стирает. Оставляет только смайл.

Мать появляется в сети почти сразу.

«Заезжайте в выходные. Ниа давно не была».

Он читает. Палец задерживается над ответом, но Роан присылает голосовое, а начальник снова зовёт его в кабинет. Чат уходит вниз.

К обеду Леон устает так, будто грузил палеты сам. Он покупает суп в автомате на первом этаже, ест его за столом и листает короткие видео. На одном мужчина ловит рыбу голыми руками. На другом женщина объясняет, как перестать тревожиться за деньги. На третьем кто-то снимает из машины длинную пробку.

Время проходит быстро, пока его не надо чувствовать.

В два часа Мара пишет: «Ниа после школы у меня. Не

забудь про мост».

Леон тянется к клавиатуре, чтобы написать «помню», но звонит заказчик. Потом другой. Приходит сообщение о задержке машины. Когда он возвращается в чат, Мара уже ничего не пишет.

К пяти у него болят глаза. Мелкий текст начинает расплываться. Он идёт к окну, смотрит на крышу ангара, на голубя, который ходит по мокрому железу, и достаёт телефон.

В ленте ему предлагают ролик: «Пять способов перестать зависеть от телефона».

Он усмехается и открывает.

Ролик начинается с руки, которая кладёт телефон в деревянный ящик. Спокойный мужской голос говорит, что надо «вернуть себе внимание». Леон смотрит первые двадцать секунд, потом внизу всплывает уведомление от банка.

«Предложение действует до конца дня».

Он нажимает на него.

В приложении снова предлагают деньги. Всё написано мелко, но главное выделено крупно: можно закрыть платёж сейчас и не думать ещё месяц. Леон проводит пальцем вниз, читает проценты, закрывает, открывает снова.

— Ты чего завис? — спрашивает Юн, парень из соседнего стола.

Леон вздрагивает.

— Ничего.

— Начальник ищет тебя. Клиент по плитке опять звонил.

— Сейчас.

Юн кивает и уходит. Он младше Леона лет на десять. Всегда в чистых кроссовках, всегда с зарядкой в кармане. Леон раньше считал его бесполезным. Теперь смотрит, как Юн за минуту находит в рабочем чате нужный файл, и злится без причины.

Клиент по плитке кричит в трубку так громко, что Леон держит телефон на расстоянии.

— Мне обещали утром!

— Машина задержалась. Я сказал вам.

— Ты мне сказал «перезвоню через десять минут» два часа назад!

Леон смотрит на время. Клиент прав.

— Прошу прощения. Сейчас уточню.

— Не надо уточнять. Мне нужен груз.

— Я понимаю.

— Ничего ты не понимаешь.

Звонок обрывается. Леон кладёт телефон на стол и несколько секунд смотрит на своё отражение в чёрном экране монитора. Лицо у него серое, щетина на подбородке, глаза красные. Он выглядит старше, чем чувствует себя внутри.

В рабочем чате появляются новые сообщения. Юн пишет, что водитель нашёл объезд. Начальник пишет: «Где ответ клиенту?» Роан присылает фотографию пробки. Леон пересылает всё туда, куда надо, ставит галочки, стрелки, короткие «принято».

Когда поток сообщений заканчивается, он снова открывает банковское приложение.

Там уже ничего не предлагают. Только привычная цифра остатка.

В три сорок семь приходит голосовое от Мары. Она говорит тихо, чтобы не мешать кому-то рядом:

«Леон, я забрала Нию. Мы зайдём в магазин. Если будешь ехать, возьми клей для картона. И напиши, пожалуйста, на счёт вечера. Не пропадай».

Он слушает до конца. Палец зависает над кнопкой ответа.

В этот момент звонит начальник. Потом клиент. Потом ещё один клиент.

Через сорок минут голосовое уже ушло вниз в чате. Леон видит только край круглой фотографии Мары. Он пишет: «Ок». Потом стирает. Пишет: «Еду, куплю». Отправляет.

Мара читает почти сразу. Ничего не отвечает.

На обратной дороге Леон заезжает к небольшому магазину у перекрёстка. Внутри пахнет пластиком, резиной и дешёвой бытовой химией. Он стоит у полки с клеем, смотрит на одинаковые тюбики и не может вспомнить, какой именно просила Ниа. Для бумаги? Для картона? Сильный? Прозрачный?

Он достаёт телефон, чтобы спросить. Потом замечает, что у Мары в чате статус «была недавно», и почему-то не хочет писать. Берёт первый попавшийся тюбик.

На кассе перед ним мужчина покупает зарядный кабель.

Потом возвращает его на полку.

— Дома таких пять, — говорит мужчина кассиру. — Просто все куда-то делись.

Кассир улыбается. Леон тоже почти улыбается. Но потом вспоминает, сколько у него дома кабелей, адаптеров, старых телефонов, коробок от техники. Всё это лежит по ящикам, как вещи из жизни, которую он не успевал прожить.

Клей он всё-таки покупает. Чек не берёт.

Домой Леон приезжает поздно. В подъезде пахнет мокрой одеждой, жареным луком и старой краской. Лампочка между третьим и четвёртым этажом мигает, но не перегорает уже неделю. Снизу хлопает входная дверь. Где-то за стеной кашляет ребёнок.

В квартире тихо.

Мара сидит на кухне в домашней футболке. Перед ней открыт бумажный конверт. Не телефон, не ноутбук. Конверт.

Ниа за столом рисует фломастерами по серой бумаге. На ней уже есть река, три дома и мост, который пока выглядит как толстая синяя полоска.

— Ты голодный? — спрашивает Мара.

— Да.

— Еда в духовке.

Он ждёт продолжения. Его нет.

Леон ставит телефон на зарядку и открывает доставку. Потом вспоминает, что еда в духовке, и закрывает. Палец всё равно тянется обратно. Он проверяет новости, рабочий чат,

банк. Никаких новых денег не появилось. Никакой проблемы тоже не решилось.

— Нам нужно обсудить платёж, — говорит Мара.

— Я знаю.

— Тогда давай обсудим.

— Сейчас поем.

— Ты всегда сначала поешь, потом примешь душ, потом посмотришь что-то пять минут. А потом уже поздно.

Леон раздражается сразу, как от резкого света.

— Что ты хочешь от меня? Я весь день работал.

— Я знаю, что ты работал. Я тоже работала.

Он садится. Ниа продолжает рисовать, но фломастер у неё уже не шуршит по бумаге.

— У меня будет премия. Закроем часть.

— Когда?

— Не знаю. В конце месяца.

— Ты говорил это в прошлом месяце.

Он берёт телефон со стола.

— Я уточню.

— Не надо сейчас уточнять. Посмотри на меня.

Он смотрит. У Мары под глазами тёмные полукружия. Волосы собраны плохо, будто она весь день тянула их с лица и забыла поправить. Он видит это и тут же чувствует вину. Вина быстро превращается в злость. Так проще.

— Я смотрю.

— Ниа ждала тебя с четырёх.

— Я приехал.

— Ты пришёл домой. Это не одно и то же.

На кухне становится так тихо, что слышен холодильник.

Он гудит с неровным щелчком, потом затихает.

Ниа медленно встаёт со стулом. Стул скребёт по полу.

— Я сама мост сделаю.

— Ниа...

— Не надо.

Она забирает бумагу и уходит в комнату.

Леон смотрит ей вслед. Потом на Мару. Та не плачет и не кричит. Просто складывает бумаги в конверт.

— Завтра поговорим, — говорит она.

— Да.

Он знает, что завтра будет так же. Утро, сообщения, дорога, работа. Всё уже стоит в очереди и ждёт его.

После ужина Леон всё-таки пытается сделать мост. Ниа не открывает дверь. Он не настаивает. Садится на диван, включает новости без звука и начинает листать ленту.

Мара проходит мимо него с бельём. Он хочет сказать что-то нормальное. Про чайник для её матери. Про деньги. Про то, что он не специально.

Вместо этого он спрашивает:

— Ты видела, что там на трассе опять авария?

Мара останавливается.

— Нет.

— В новостях пишут.

— Леон, я не хочу сейчас смотреть, что пишут.

Она уходит в спальню.

В одиннадцать Ниа уже спит. Леон заглядывает к ней. На полу лежит её недоделанный город. Мост из картона приклеен криво, одна сторона провалилась на бумажную реку. Рядом валяется тубик клея без крышки.

Он мог бы поправить. Две минуты. Но в руках уже телефон, и экран снова загорается.

Рабочий чат. Кто-то пишет, что завтра нужен ранний звонок.

Леон закрывает дверь в комнату дочери почти без звука.

В спальне Мара лежит лицом к стене. Он ложится рядом, оставляя между ними полосу одеяла. Экран режет темноту тусклым синим светом.

Один ролик сменяет другой. Люди смеются, спорят, падают, строят дома, рассказывают о чужих бедах. Леон смотрит, пока буквы не начинают прыгать.

Перед сном он открывает банковское приложение ещё раз. Оно грузится дольше обычного. Крутится маленький круг.

— Ну давай, — шепчет он.

Приложение открывается. На секунду.

Потом снова появляется круг.

Леон кладёт телефон на грудь и закрывает глаза.

Экран светит в потолок. Круг продолжает крутиться.

Глава вторая. Не грузит

Будильник не звонит.

Леон просыпается от серого света за окном и от того, что телефон горячий под рукой.

Пять минут он лежит, не понимая, почему в комнате так тихо. Наконец нажимает на экран.

Время есть. Заряд есть. Значок сети тоже есть.

Сообщений нет.

Он открывает рабочий чат. Белое поле. Внизу крутится круг.

— Ну давай.

Круг крутится.

Он открывает новости. То же самое. Банковское приложение. То же. Карты. То же.

Леон садится на кровати. Сначала раздражение обычное, домашнее. Роутер опять завис. Провайдер опять что-то чинит. Сейчас он выдернет шнур, воткнёт обратно, подождёт, и всё появится.

В коридоре он наступает на картонный мост Нии. Один край отрывается от бумаги.

— Чёрт.

Он поднимает мост, ставит на тумбу и идёт к роутеру.

На маленькой чёрной коробке горят зелёные огоньки. Леон выдёргивает провод. Огоньки гаснут. В квартире на секунду становится совсем тихо, будто он выключил не интернет, а что-то большее.

Через минуту он включает всё обратно.

Огоньки загораются.

Телефон показывает сеть.

Ничего не грузит.

Из спальни выходит Мара в халате. Она смотрит на него, потом на роутер.

— Что случилось?

— Интернет лёг.

— У всех?

— Откуда я знаю.

Она берёт свой телефон со стола, проводит пальцем по экрану. Нахмуривается.

— У меня тоже.

Из комнаты выходит Ниа. Ещё сонная. В руках планшет.

— Пап, почему мультик не включается?

— Потому что сеть тупит.

— А когда не будет тупить?

— Сейчас.

Он говорит это быстрее, чем успевает подумать.

За завтраком никто не смотрит в экран. Ниа несколько раз нажимает на одну и ту же иконку. Потом кладёт планшет на стол лицом вниз.

Мара наливает чай и молчит.

Леон пытается позвонить Роану. Вызов идёт. Долго. Потом вместо гудков слышится короткий щелчок, и всё обрывается.

Он звонит начальнику. То же самое.

— Может, связь перегружена, — говорит Мара.

— С чего ей перегружаться?

— Не знаю.

Леон надевает куртку. Перед выходом берёт кошелёк. В нём лежат две мелкие купюры, старая карточка магазина и водительские права. Он не помнит, когда в последний раз платил наличными.

Во дворе у подъезда уже стоят люди. Не толпа. Пятеро-шестеро. Все смотрят в телефоны.

Сосед с первого этажа, высокий мужчина в рабочей жилетке, говорит кому-то:

— У меня мобильный тоже не работает. Только значок висит.

— Может, вышку отключили, — отвечает женщина с собакой.

— Какую ещё вышку? У сестры на другом конце города то же самое.

Леон проходит мимо, делая вид, что ему неинтересно. На самом деле он слушает каждое слово.

В машине карта не открывается. Синий кружок его местоположения есть, а дорог нет. Серый фон. Пустота.

Леон выезжает со двора и в первый раз за долгое время пытается вспомнить маршрут без подсказки. До склада три больших перекрёстка, потом мост, потом промзона. Он знает. Конечно знает.

Но на втором перекрёстке он вдруг сомневается, где лучше свернуть, и злится на себя.

На заправке он останавливается почти машинально. Бак наполовину пустой. Внутри молодой парень в форме нажимает что-то на терминале. Очереди нет, но люди стоят у кассы дольше обычного.

— Полный.

Парень кивает. Пистолет щёлкает. Леон прикладывает карту к терминалу.

Терминал пищит красным.

— Ещё раз, — говорит парень.

Леон прикладывает снова.

Терминал снова пищит.

— У вас карта не проходит? — спрашивает женщина за ним.

— У всех не проходит, — отвечает парень. Он уже не выглядит спокойным. — Наличные есть?

Леон открывает кошелёк. Пересчитывает деньги. Их хватает не на полный бак.

— На сколько есть.

Парень смотрит на купюры, потом на колонку.

— Ладно. Только быстро.

Леон выезжает с заправки с неприятным холодом под рёбрами. Это не просто домашний роутер.

На складе половина людей стоит у входа. Кто-то пытается поймать связь, подняв телефон над головой. Кто-то звонит.

У кого-то идёт гудок, но никто не берёт.

Начальник курит у двери, хотя обычно курит за зданием.

— Ты дозвонился до Роана? — спрашивает Леон.

— До кого тут дозвонишься? Он должен был уже быть здесь.

— Может, дорогу перекрыли.

— Без тебя догадался.

В диспетчерской монитору включаются, но рабочая система не запускается. На одном экране висит окно авторизации. На другом — сообщение об ошибке. На третьем — пустой браузер.

Леон нажимает клавиши быстрее, чем нужно. Перезапускает компьютер. Потом ещё раз. За его спиной кто-то ругается на принтер.

— У меня все накладные в облаке, — говорит бухгалтер.

— Я даже вчерашнюю не могу открыть.

— А бумажные? — спрашивает кто-то.

Она смотрит на него так, будто он сказал слово из другого века.

— Какие бумажные?

Начальник собирает всех в коридоре.

— Так. Без паники. Это, скорее всего, большая авария. Ждём информацию. Машины пока не отправлять. Денег в кассе почти нет. Если клиент придёт с наличными — ничего не обещайте без меня.

— А если Роан приедет? — спрашивает Леон.

— Если придет, скажи ему разгружаться.

— А куда потом?

Начальник смотрит на него.

— Домой. Куда же ещё.

В десять тридцать телефон Леона вдруг звонит.

Он вздрагивает так, что чуть не роняет его.

На экране — «Селла».

— Мам?

В динамике шорох. Потом голос матери, далёкий и порезанный на куски.

— Леон... ты... слышишь?

— Да. Да, слышу. У вас что?

— У нас... сеть... Эрен на смене... автобус... не...

Голос пропадает.

— Мам? Мам, говори громче.

Шорох. Чужая фраза. Будто рядом с ней кто-то ещё звонит.

— Мы... сами... потом...

Связь обрывается.

Леон перезванивает. Вызов даже не начинается.

Он сидит, уставившись на номер. В голове мелькает простая мысль: надо ехать к ним. Потом другая: они далеко, он не знает, что происходит, у него работа, Ниа, Мара, машина не заправлена.

Он пишет Маре сообщение: «Мама звонила. У них тоже всё легло». Над сообщением появляется маленькие часы.

Оно не уходит.

За окном проезжает грузовик. Не Роан. Чужой. Слишком медленно. В кузове стоят люди, держась за борта.

К полудню в офисе становится душно. Все ходят туда-сюда, будто движение само по себе может починить сеть. Один сотрудник приносит старый радиоприёмник из машины. Долго крутит ручку, ловит шипение, музыку, обрывки рекламы.

Потом находится голос.

Голос говорит сухо, без музыки:

«В связи с масштабным нарушением работы магистральной сети передачи данных, систем расчёта, облачных хранилищ и удалённого управления гражданам рекомендуется сохранять спокойствие, не совершать необдуманных поездок и пользоваться проверенной информацией через местные радиостанции и официальные пункты объявлений».

Кто-то спрашивает:

— Это у нас только?

Радио молчит. Затем тот же голос добавляет:

«Нарушения зафиксированы в нескольких странах. Головова связь может работать нестабильно. Не рассчитывайте на неё как на постоянный канал».

В коридоре никто не смеётся.

Бухгалтер первой садится на пол прямо у стены. Не падает. Просто садится, потому что стула рядом нет.

— У меня сын в другом районе, — говорит она. — Он

после занятий должен был написать. Он всегда пишет.

Юн смотрит на свой телефон.

— Может, звонки ещё проходят. Не все.

— Я звонила.

— Может, попробуйте ещё.

Она смотрит на него так, будто он предложил налить воды в пустой стакан.

Начальник ходит по коридору, прижав ладонь к затылку. Потом возвращается в кабинет и вытаскивает из нижнего ящика толстую папку. Леон никогда её не видел.

— Здесь старые телефоны клиентов, — говорит начальник. — Бумажные. До того, как всё перевели в систему.

Он кладёт папку на стол. Внутри листы с выцветшими строчками, чужие фамилии, номера, пометки карандашом. Часть людей давно не работает с фирмой. Часть адресов уже не существует. Но это единственное, что у них есть.

— Будем обзванивать, если связь появится, — говорит начальник. — И записывать руками.

Леон берёт блокнот. Тот самый, с тремя старыми страницами. Он пишет сегодняшнюю дату. Потом зависает.

— Что писать? — спрашивает Юн.

— Всё, — отвечает начальник. — Кто звонил. Кто приехал. Кто должен. Всё.

Леон записывает: «Роан. Груз не доставлен. Площадка неизвестно». Почерк у него кривой. Он давно не писал так много от руки.

К часу дня у ворот появляется первый клиент. Мужчина в длинном пальто, с наличными в конверте. Ему нужны мешки смеси. Он готов забрать сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.